

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЭСТЕТИКА УЗЕИРА ГАДЖИБЕКОВА

В канун празднования 90-летия со дня рождения классика азербайджанской музыки Узеира Гаджибекова, вспоминаются слова великого художника современности Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, адресованные нашим композиторам. Он пожелал композиторам Азербайджана свято развивать великие традиции Узеира Гаджибекова.

Традиции Узеира Гаджибекова — это не только традиции его большого искусства, его неповторимой музыки. Это — и традиции, успешно развивающиеся в теоретико-музыковедческой области, в области музыкальной эстетики.

В истории искусства мы знаем немало художников, чье мировоззрение, взгляды, вкусы и пристрастия не во всем совпадают с их же художественным творчеством, а порой находятся с последним даже в определенных противоречиях.

Гаджибеков принадлежит к типу художников, общественно-политические, эстетические взгляды которых находятся в полной гармонии с художественным творчеством. На всем протяжении творческой биографии Гаджибекова его теоретическая мысль композиторская деятельность развивались параллельно и взаимосвязанно.

Глубокое многолетнее изучение проблем азербайджанской музыки привело Гаджибекова не только к ценным открытиям в области ладового, интонационного, мелодического мышления азербайджанского народа, но и послужило основой для более общих выводов в области эстетики.

Мысли и высказывания Гаджибекова по таким проблемам эстетики, как проблема народности, национального и интернационального, традиции и новаторства, музыкального языка и т. д., опирались именно на этот музыкальный и научный материал.

На традициях общественно-философских и эстетических идей М. Ф. Ахундова, Г. Б. Зарлаби, Дик. Мамедкулизаде и др. формировалась гаджибековская концепция искусства. Сам композитор писал: «Да, я вырос, можно сказать, на комедиях Ахундова «Хан Сарабский», «Мастали шах», «Гаджи Гара», — на драме известного нашего

драматурга А. Б. Ахвердова «Разоренное гнездо»».

Если при рассмотрении конкретных вопросов истории азербайджанской музыки и особенностей мугамата Гаджибеков опирался на традиции музыкальной мысли средневекового Востока, то, касаясь более общих проблем теории искусства и эстетики, он был всецело связан с передовой общественно-философской мыслью Азербайджана. Проблема народности — краеугольный камень эстетической концепции Узеира Гаджибекова. Первым музыкальным произведением Гаджибекова, в котором нашла воплощение проблема народности искусства, как ее в ту пору понимал композитор, была мугамная опера «Лейли и Меджнун».

Дж. Мамедкулизаде, объясняя причину появления на свет журнала «Молла Насреддин», высказал крылатую мысль: «Молла Насреддина» создала сама природа, создала сама эпоха». Те же самые слова можно сказать и в отношении оперы «Лейли и Меджнун». Впрочем, и сам Гаджибеков неоднократно подчеркивал, что появление первой азербайджанской оперы связано с особенностями той эпохи. «Раскаты революционного грома 1905 года еще не затихли. В Баку начали возрождаться первые ростки национальной культуры в виде азербайджанской печати, народной оперы». «...В музыкальных комедиях... написанных мною на современные события, — отмечал композитор в другой статье, — я старался отразить идеи, волновавшие передовую часть тогдашней азербайджанской интеллигенции».

Эстетическое и нравственное воспитание народа — одно из важнейших положений дореволюционной эстетики Гаджибекова. С этим положением связан такой аспект проблемы народности, как доступность искусства народу.

Связь с фольклором на различных этапах своей деятельности Гаджибеков понимал по-разному, и его творчество отра-

жает эволюцию его взглядов. Использование фольклорного материала в опере «Лейли и Меджнун» отличается от музыкального мышления фольклорными образами в опере «Кероглы». Главной целью Гаджибекова при создании первой национальной оперы был принцип доступности, и он нашел отражение в «Лейли и Меджнуне», как максимально точное использование материала.

В дореволюционные же годы Узеир Гаджибеков подчеркивал нравственно-просветительное, культурно-просветительное значение своих музыкально-сценических произведений. Это связано с тем, что в дореволюционные годы он, как теоретик, стоял на позициях демократического просветительства, путь к улучшению положения народа видел не в революционной борьбе пролетариата, а в демократических свободах, широким просвещении его.

Отсюда вытекают общественно-эстетические задачи, которые он ставил перед искусством, подчеркивая его воспитательную функцию в статьях «О воспитательном значении сцены», «О воспитательном значении оперы и драмы». Он писал: «...То, что представляется в театре, должно воспитывать не только одну этическую сторону нашей жизни, но оно должно питать и присутствие человеческой природе эстетические чувства его; значит в каждом сценическом произведении кроме элемента морали, должен быть и элемент художественный».

Эстетическое и нравственное воспитание народа — одно из важнейших положений дореволюционной эстетики Гаджибекова. С этим положением связан такой аспект проблемы народности, как доступность искусства народу.

Связь с фольклором на различных этапах своей деятельности Гаджибеков понимал по-разному, и его творчество отра-

жает эволюцию его взглядов. Использование фольклорного материала в опере «Лейли и Меджнун» отличается от музыкального мышления фольклорными образами в опере «Кероглы». Главной целью Гаджибекова при создании первой национальной оперы был принцип доступности, и он нашел отражение в «Лейли и Меджнуне», как максимально точное использование материала.

В дальнейшем, отказавшись от цитатного использования фольклора, Гаджибеков воссоздает самый дух народной музыки, уже на солидном профессиональном уровне.

«В опере «Кероглы», — отмечал композитор, — нет подлинных народных мелодий, непосредственно взятых из народного творчества. Зато опера написана на азербайджанских музыкальных ладах, в стиле азербайджанского фольклора. Поэтому творческая фантазия композитора для народа является понятной, как несущая в себе важнейшие элементы народности».

В своей эволюции гаджибековская мысль оценила опасность поверхностного отношения к фольклору. Экзотичность, ложная ориентальность оценивается Гаджибековым не только как поверхностное отношение к народности, но и как явление, в корне противоположное и мешающее народности истинной.

Путь Гаджибекова-композитора — яркий пример диалектической взаимосвязи национального и интернационального, традиций и новаторства в искусстве. В теоретических высказываниях его также красной нитью проходит мысль о плодотворности синтеза национального и интернационального, мысль о новаторстве, опирающемся на традиции, и о тради-

циях, нуждающихся в новаторском переосмыслении с учетом требований и задач, поставленным современной действительностью.

В статье «Музыкально-просветительные задачи Азербайджана» Гаджибеков ставил вопросы развития национальной музыки в свете интернациональных музыкальных связей и влияний.

«Нужно ли нам — азербайджанским тюркам — тратить время, энергию и средства для того, чтобы обучаться общему музыкальному искусству, иначе говоря, изучать европейскую науку?», — спрашивал Гаджибеков в этой статье и сам же отвечал: «Желая распространять в Азербайджане среди тюркского населения музыкальное образование, мы не достигнем цели, если будем скрывать от него произведения таких музыкальных гениев, как Бах, Моцарт, Бетховен».

Большой интерес вызывают позиция и взгляды Узеира Гаджибекова во время дискуссии, посвященной развитию национальной музыки, особенно оперы, в двадцатых—тридцатых годах. Эта проблема вышла далеко за пределы профессиональных вопросов оперного искусства и приобрела характер эстетической дискуссии по проблемам традиции и новаторства. В ходе дискуссии звучали голоса отвергающие какое-либо значение дореволюционной азербайджанской оперы, восклицали: «Тюркскую оперу нужно строить заново! Нынешнюю тюркскую оперу сдадим в архив вместе с арабским алфавитом и чадрой!» и т. д.

Отмечая некоторые недостатки этих произведений, Гаджибеков говорит о прогрессивном значении каждой оперы и оперетты, в частности. Он понимал, что оценивает не только свой труд, но и важнейший период азербайджанской музыки.

В статье «Музыкальное развитие в Азербайджане» Гаджибеков писал: «Мало ли заслуг у тюркской оперы и оперетты в деле эмансипации тюркской женщины — бывшей жертвы ненежества, прозябшей в уг-

лу комнаты с забитыми окнами? Мало ли они повлияли на смягчение нравов грубых и развращенных мужчин? Не стали ли эти оперы широкой ареной для борьбы с религиозным фанатизмом? Разве не благодаря этим операм мелькнула улыбка на лицах многих людей, обреченных на слезы и траур в течение многих лет? Наконец, разве можно забыть роль тюркских опер и оперетт как факторов культурных». И вполне убедительно после приведенных аргументов звучат слова Гаджибекова о том, что «снять со сцены тюркские оперы и оперетты; сыгравшие столь значительную роль в деле воспитания и развития азербайджанских тюрков, начиная с 1907 года, — значит вырвать важнейшие страницы истории азербайджанского театра и музыки».

Взгляды Уз. Гаджибекова на проблему национального, интернационального, традиций и новаторства, как и его музыкально-эстетические взгляды в целом, постоянно эволюционировали, углублялись и уточнялись. От общих гуманистических принципов уважения к культуре всех наций, от нескольких общих призывов к изучению европейской музыки, Гаджибеков в советское время поднимается до подлинно марксистского понимания проблем национального и интернационального, традиций и новаторства.

Гаджибеков с пристальным интересом следит за развитием всех советских народов, формулируя свое кредо крылатым выражением: «Учиться друг у друга». О чем бы ни писал в эти годы Гаджибеков — о влиянии ли богатого музыкального искусства русского народа, о плодотворности учебы у Чайковского, о декаде узбекского искусства в Москве или о традиционных музыкальных связях трех закавказских народов — он везде ставит проблему в широком общественном масштабе.

«Мы, азербайджанцы, — говорил Гаджибеков, — должны развивать наше музыкальное искусство, чтобы все народы нашего великого Союза могли видеть, что развитие азербайджанской музыки есть развитие советского музыкального искусства — музыкальной культуры в целом».

Глубокая гаджибековская мысль, как и его бессмертное творчество, и ныне служит живым источником вдохновения для нового поколения азербайджанских музыкантов и является бесценным вкладом в сокровищницу азербайджанской культуры.

Земфира САФАРОВА,
кандидат искусствоведения.